

**Православные славяне в неправославном окружении –
проблемы культурно-языкового идентитета**

Abstract. This article is devoted to one of the insufficiently studied issues of the cultural area of so called *Slavia Orthodoxa* – to the question of its variety, especially with respect to those groups of Slavs who were living for a long time in an alien surrounding. We are operating with two of such areas – the Orthodox Eastern Slavs in the Grand Duchy of Lithuania (later on, in Polish-Lithuanian state), on the one side, and the Orthodox Southern Slavs in Austria, on the other.

Key words: *Slavia Orthodoxa*, variety, Slavic minorities, parameters of language and cultural identity

Наша работа, базируясь на концепции Православной Славии как единого культурного ареала православных славян и румын [Толстой 1961; Picchio 1962 et pass.], посвящена, однако, не теме единства ее культуры, а культурной специфике отдельных ее регионов и эпох. Вопрос этот находится пока практически вне сферы исследовательского интереса. Неисследованным – а практически пока даже не сформулированным – является и вопрос культурно-языкового идентитета тех групп православных славян, которые в силу исторических обстоятельств оказались в иноязычном и иноконфессиональном – а тем самым, в инокультурном окружении – этой подтеме и посвящена данная работа. Пока речь здесь может идти только о постановке проблемы, о предварительной формулировке центральных вопросов и задач исследования, о подходах к созданию соответствующего теоретического и методологического аппарата, как и о привлечении внимания к данному тематическому комплексу. Этим объясняется и то, что мы пока можем предложить значительно больше вопросов, чем ответов, – полагаясь при этом на старое положение о том, что в науке важнее правильная постановка вопросов, чем ответы на них.

Задача-максимум здесь – исследование и описание внутренней дифференциации Православной Славии. Основной метод, с помощью которого этого можно достичь, представляет, на наш взгляд, выявление и систематическое описание как констант, так переменных, т. е. вариативности, специфики культурного развития внутри указанного ареала. Достичь этого можно путем моделирования объекта исследования – подробнее об этом несколько позже. Конкретным же объектом исследования являются православные славяне в неславянском окружении, а именно православные южные славяне в католической Австрии и православные восточные славяне в Великом княжестве Литовском (и позднее в польско-литовском государстве). Есть и другие примеры таких славянских «островных» культур в инокультурном окружении, которые здесь, однако, далее не рассматриваются. К ним можно отнести (оперируя пока двумя признаками – наличие / отсутствие статуса меньшинства и иноконфессионального контекста) следующие случаи: православные восточные славяне под мон-

гольско-татарской властью (здесь: – статус меньшинства¹, + (частично)² иноконфессиональный контекст).

(1) Православные южные славяне под османской властью (\pm статус меньшинства³, + иноконфессиональный контекст).

(2) Неправославные славяне под неславянской властью (\pm статус меньшинства⁴, – иноконфессиональный контекст). Это, например:

- чехи;
- хорваты;
- (частично)⁵ словенцы;
- (частично) лужицкие сербы;
- (частично) словаки;
- (частично) русины⁶.

(3) Неправославные славяне под неславянской властью (+ статус меньшинства, + иноконфессиональный контекст). Это, например:

- (частично) словенцы;
- (в определенный период)⁷ чехи;
- (частично) лужицкие сербы⁸;
- (частично) словаки;
- (частично) русины.

Тема культурно-языкового идентитета может быть рассмотрена еще и в следующих двух ракурсах: через собственное восприятие данного православного социума и через его восприятие глазами других групп (соседних этносов, иностранцев и т. п.). Кроме того, необходима дальнейшая дифференциация анализа таких групп по временному и пространственному параметрам – в настоящий момент такая субдифференциация производится интуитивно, соответствующие разработки и анализ практически отсутствуют.

Относительно православных восточных славян дифференциация по временному и локальному параметрам выявляет следующие сегменты:

- фазу совместного развития (т. е. домонгольский период, X–XIII вв., – она здесь далее не рассматривается);

¹ Ввиду (а) относительно слабой степени развития государственности в Золотой Орде и (б) своеобразия ее политики в отношении завоеванных народов (вассальная зависимость при невмешательстве в вопросы администрации, веры, культуры в целом).

² Имеется в виду православная миссионерская деятельность в Золотой Орде.

³ Собственно на территории проживания – статус меньшинства, в рамках же государства + статус меньшинства.

⁴ То же.

⁵ Здесь и далее имеется в виду конфессиональное расслоение социума – на католиков и протестантов. Для определенных регионов релевантным фактором является и Контрреформация.

⁶ Речь идет о группе, перешедшей в униатство, т. е. находящейся между католицизмом и православием.

⁷ Имеется в виду период протестантского движения в Чехии: после 1620 г. оставшиеся в стране чехи-протестанты стали конфессиональным меньшинством.

⁸ Протестанты в католических государствах и наоборот.

- фазу отдельного развития: в Литовско-Польском государстве и в Московской Руси (= XIV–XVI вв.);
- фазу нового совместного развития, начиная с воссоединения восточно-славянских территорий (с XVII в.).

Что касается южных славян, здесь дифференциация по локальному параметру дает для древнейшего периода славянской истории на Балканах раздел на сферы влияния Западного и Восточного Рима, а позднее дополнительно специфику боснийского ареала. Дифференциация по временному параметру для более поздних эпох дает следующие фазы:

- дотурецкий период (X–XIV вв. – здесь необходима одновременная дальнейшая дифференциация по пространственному параметру);
- период турецких завоеваний (XIV–XVII вв.);
- период отдельного развития у сербов (с XVIII – нач. XIX в.): с одной стороны, сербы – австрийские подданные (в дальнейшем рассматривается только эта группа), с другой – те сербы, которые остались под османской властью.

Поскольку в настоящее время мы не располагаем ни разработанной теоретической базой для такого рода исследований, ни адекватной методологией, одной из основных задач становится необходимость их создания. Основой для этого могут, на наш взгляд, служить:

- Модель культуры Православной Славии в трактовке Н. И. Толстого и Р. Пиккио.
- В частях своих модель стандартных славянских языков Н. И. Толстого [Толстой 1988].
- Концепция диглоссии как языковой ситуации Православной Славии, т. е. сосуществование языковых субсистем, находящихся относительно друг друга в состоянии оппозиции по признаку дополнительного функционального распределения и имевших соответственно строго разграниченные сферы употребления. Благодаря этому, не могла возникнуть ситуация конкуренции, свойственная обычно билингвизму, поэтому диглоссия могла существовать в Православной Славии в течение многих веков и начала исчезать именно тогда, когда была нарушен принцип дополнительного функционального распределения. В письменном употреблении во всей Православной Славии был – единый для всего ареала – церковно-славянский язык соответствующей местной редакции, а в устном – народный живой идиом данного региона и общества.
- Наши разработки по нестандартным славянским письменным традициям [Кречмер 1998, 2000; Kretschmer 1991; 1993; 1999; 2004; 2008].

В качестве базы для разработки методологического аппарата предлагаем опираться на т. н. герменевтический круг познания по Штегмюллеру [Stegmüller 1975]: данный подход неоднократно положительно зарекомендовал себя в ходе наших исследований. Метод этот спирален и состоит из следующих (повторяющихся на каждом «витке» спирали) шагов:

- формулировка предпосылок и/или гипотез (причем допустимо привлечение интроспекции, т. е. самого исследователя-филолога и его знаний);
- эмпирическая проверка этих предпосылок (на базе, например, корпусного анализа; ср. ниже);
- создание на этой основе новых гипотез; и т. д.

Пока достигим лишь самый низкий из возможных уровней моделирования, т. е. дескриптивный.

К исходным методологическим принципам исследования относятся, на наш взгляд, следующие:

- отказ от априорной селекции материала: особенно на начальной стадии исследования не представляется возможной адекватная оценка значимости полученных данных, признаков и т. д.;
- метод сплошной дескрипции, т. е. систематически описываются все как языковые, так и экстралингвистические уровни и признаки (как, например, жанр, интенциональность, эпоха, регион, личность и программа автора, время создания, история рецепции и т. д.);
- на начальной стадии исследования одинаково значимыми следует считать как выявленные соответствия, так и различия между отдельными объектами анализа (эпохами и регионами);
- особого внимания заслуживает анализ процесса (методов) культурной адаптации православных славян в новом окружении и выявление динамики развития данных методов (данного процесса) – это подтверждают уже полученные результаты исследования.

Методологически очень значимым является и вопрос, как, из какого источника можно получить достоверные данные по культурно-языковому идентитету данного социума. По-настоящему адекватную исходную точку и базу анализа представляют собой, на наш взгляд, только конкретные тексты (соответствующей эпохи, соответствующего региона) со всеми их параметрами (как, например, время, жанр (интенциональность), автор, регион, язык и стиль, оригинальное это произведение или нет, его рецепция (в разные эпохи) и т. д; ср. выше). Текстовый корпус анализа составляет при этом все письменное наследие данной эпохи (данного региона) – какая бы то ни было селекция возможна и допустима лишь в ходе дальнейшего исследования, когда возможной становится адекватная оценка материала (ср. выше). Дополнительными же источниками для анализа могут быть:

- исторические данные – как прямые (напр., отзывы и свидетельства иностранцев), так и косвенные (т. е. данные собственно исторических исследований);
- данные, результаты филологических исследований;
- данные культуры как таковой.

На начальном этапе исследования анализ исторических источников может при этом какое-то время даже доминировать над анализом текстового корпуса.

Анализ культурной истории православных славян в чуж(д)ом окружении находится в начальной своей стадии, однако некоторые результаты можно уже назвать, в первую очередь следующие.

- Заметное – и длительное (вплоть до перманентного) – влияние чуждого окружения, даже при наличии ясного противления этому влиянию (часто связанного с попытками обращения в католичество / униатство) со стороны православных славян.

- Православные славяне в чуждом (новом) культурном окружении, воспринимая со временем культурную парадигму своего окружения, сохраняют (по крайней мере, в течение длительного периода) и свою старую культурную модель.

- Однако степень ее сохранности, как и выборочность (т. е.: что, где, как и когда сохранялось), могут значительно расходиться в отдельных случаях – здесь, таким образом, необходимо дальнейшее индивидуальное моделирование по эпохам и регионам.

- Различия в культурном развитии сохраняются, по крайней мере в течение определенного периода, и после политического воссоединения этих славян. Однако, как, когда и до какой степени происходит воссоединение культурно-языковое, еще предстоит выяснить.

Рассмотрим ситуацию по отдельным интересующим здесь регионам и эпохам – начиная с восточных славян. Для фазы совместного развития (т. е. домонгольский период, X–XIII вв.) основным здесь следует признать вопрос о наличии или же отсутствии уже в этот период локальной культурной субдифференциации ареала (в дальнейшем усиленной административно-политическим разделением) – эта фаза в данной работе, однако, далее не рассматривается. Фаза же раздельного развития, когда восточные славяне были разделены административно-политически между Литовско-Польским государством и Московской Русью (XIV–XVI вв.), является в исторической русистике мало пока изученной темой. Одновременно она в значительной степени идеологизированна и представляет собой своеобразное яблоко раздора между русистикой, украинистикой и белорусистикой. Сущность этого раздора можно сформулировать следующим образом: предмет чьей истории представляет собой этот период, его письменное наследие, его авторы и система жанров? К сожалению, вненаучные мотивации здесь пока преобладают – именно этим и следует, вероятно, объяснить не обоснованную научно атрибуцию – приписывая (иногда одно и то же произведение, одного и того же автора) то древне-/старорусской, то древне-/староукраинской, то древне-/старобелорусской культурной истории. Укажем в данной связи на справедливые, на наш взгляд, замечания А. В. Исаченко о том, что вплоть до середины XIV в. следует говорить об общей восточнославянской письменной культуре – филиация же отдельных восточнославянских (письменных) языков начинается лишь после их административно-политического разделения между Великим княжеством Литовским и Московской Русью. Исследование осложняется и тем, что текстовый корпус этого периода обработан (и из-

дан) пока в недостаточной степени, а кроме того, неоднородно. Результатом всего этого является отсутствие адекватной базы для анализа, а тем самым – умозрительность заключений.

Особого внимания здесь, на наш взгляд, заслуживают заметные (и сущностные) различия не только между украинской и белорусской культурно-письменными традициями, с одной стороны, и русской – с другой, но и между самими украинской и белорусской. Основной вопрос здесь: как, чем это можно объяснить? Прояснения и определения требует и явление т. н. «простой мовы», в частности, вопросы ее базы, функционального репертуара, социального статуса, динамики развития, ее дальнейшая судьба (с XVII в.). То, что у православных славян в Польше-Литве происходит смена культурных моделей, парадигм, переход от старой, православно-славянской культуре к культуре Западной Европы, можно считать фактом. Как, когда и где это происходило и до какой степени; какие сегменты старой культуры были заменены новыми (и какими именно) – этого мы, однако, (еще) не знаем. Интересны в данной связи, например, наблюдения Флоровского о смене греческого «контекста» культуры латинским у представителей т. н. третьего южнославянского (цксл.) влияния [Флоровский 1923; 1981]. Интересы заслуживают также замечания Б. А. Успенского относительно братских школ и вообще школьной системы этих православных славян [Успенский 1983].

Ответы на эти и другие вопросы возможны будут, однако, только на базе репрезентативного в количественном и качественном отношении корпусного анализа, прежде всего, текстового корпуса.

Для фазы нового совместного развития, начавшегося в XVII в., непроясненным остается, кроме прочего, вопрос о статусе и влиянии «простой мовы» в эпохи после воссоединения восточнославянских земель в Московской Руси (ср. выше). Ведь культура (культуры) славян в польско-литовском государстве не только развивались по-своему, в отрыве от культурного развития Московской Руси, но и оказали, судя по всему, немалое влияние на последнюю. Под этим, как правило, понимается т. н. третье церковнославянское (южнославянское) влияние. Однако, что действительно скрывается под этим названием, мы пока достоверно не знаем: открытыми остаются вопросы о сущности его, признаках, динамике развития и дальнейшей судьбе (после XVII в.)¹.

И здесь для выяснения названных (и ряда дальнейших) вопросов необходима достаточно репрезентативная текстовая база как инструмент эмпирической проверки предположений и рабочих гипотез.

Перейдем к православным славянам Западного Балкана. Культурные ареалы болгар и македонцев в этой работе не рассматриваются, как и дотурецкий период (X–XIV вв.) и период турецких завоеваний (XIV–XVII вв.). Однако наиболее важные для этих исторических фаз аспекты и параметры анализа все же назовем. Сюда относится вопрос о том, насколько гомогенным (или, напротив,

¹ Интересные замечания по данному вопросу содержит работа Т. М. Николаевой [Николаева 2003].

дифференцированным) был православный западно-южнославянский ареал в дотурецкое время. Этот вопрос пока недостаточно изучен, изучение его дополнительно осложняется отсутствием адекватной текстовой базы исследования. Сюда следует отнести и вопрос (в последнее время дополнительно идеологизированный) о самобытности письменной культуры черногорцев и ее отношения к культуре сербской. То же можно сказать и о боснийской письменно-культурной традиции – здесь дополнительно встает вопрос западного культурного влияния (ведь в дотурецкое время Босния – сфера влияния Венгрии и католической – но фактически т. н. Боснийской – церкви)¹. Однако вопрос венгерского влияния (в несколько более поздние периоды) следует исследовать и у сербов. Что же касается периода турецкого владычества, к наиболее важным здесь можно отнести вопросы о сущности, степени и длительности турецкого (ориентального) влияния.

В центре же нашего внимания находится т. н. славяносербская культура – культурно-письменная традиция, созданная сербами, австрийскими подданными, в период раздельного развития у сербов, т. е. после исхода в конце XVII в. значительных контингентов сербского населения, бежавших на австрийские земли в страхе перед местью турецких завоевателей за сербскую помощь австрийским войскам. Там, на южновенгерских землях в XVIII в. постепенно создается и до середины XIX в. существует эта особая письменно-культурная традиция, значительно отличающаяся как от общей культурной модели Православной Славии, так и от культуры сербов, оставшихся под турецкой властью. Предмет этот сам по себе изучен неплохо, но здесь заметно немало вненаучных, идеологических «наносов», как, например, глорификация культурно-языковой модели Вука Караджича в качестве единственно возможной и правильной (хотя большая часть современных славянских стандартных языков создавались по другим моделям) или же т. н. народного языка. Это до сих пор затрудняет адекватное изучение предмета.

К центральным вопросам исследования славяносербской культурно-письменной традиции можно, в первую очередь, отнести:

(1) Определение ее временных границ. Здесь многое указывает на то, что особого внимания заслуживают начальный и конечный ее периоды – в настоящий момент здесь наблюдается оживленная полемика и отсутствие консенсуса в исследовательской среде. Одной из причин следует, видимо, считать недостаточную изученность предмета в целом.

(2) Степень сохранности старой православной культуры у этих православных сербов – этот вопрос практически еще не исследован и требует, кроме прочего, дифференциации по временной оси – в то время, как пространственной дифференциации здесь не наблюдается.

¹ И об этой криптической церкви достоверных сведений пока недостаточно, что дополнительно осложняется ее идеологизацией (как и культурной истории Боснии в целом) в современной Боснии.

(3) Степень восприятия западной культуры в разные исторические фазы развития данной славянской группы – в качественном и количественном отношении.

(4) В данной связи интересны механизмы не только восприятия новой культурной модели, но и противления сопутствующей ей католической инфильтрации – ср. здесь, например, обращение этих славян в образовании своей молодежи к протестантским школам и университетам (словацким и немецким).

(5) Как известно, политически и административно сербские земли оставались разделенными до 1918 г., до конца первой мировой войны, до конца старой Австро-Венгрии. Однако, контакты, и весьма оживленные, между сербами, австрийскими подданными, и сербами под османской властью – а с 1833 г., после Второго сербского восстания, и на постепенно освобождаемых территориях – имели место все время. Тем не менее, различия в культурных парадигмах этих сербов продолжались – и заметны вплоть до наших дней. Как, когда и где имело место сближение культур, нивелирование различий, еще предстоит выяснить.

Результаты проведенных исследований показывают особую значимость начального и конечного периодов жизни православных славян в неправославном (неславянском) окружении. Чуж(д)ое окружение не только приводило (до определенной степени) к принятию православными славянами культуры и языка этого окружения, но повлияло, судя по всему, и на сам процесс перехода от старой культуры Православной Славии к культуре Нового времени. Есть основания полагать, что инокультурное окружение влияло и на развитие самой этой новой культурной модели – что, в свою очередь, привело к различиям в культурном развитии Нового времени между православными славянскими регионами, испытывшими и не испытывшими влияния чуждых культур.

На основании полученных результатов дальнейшие задачи и пути исследования можно сформулировать следующим образом.

- Необходима дальнейшая работа по дифференцированному моделированию – отдельно для каждого региона (каждой эпохи) – но на общем фоне, т. е. при постоянном сравнении отдельных регионов и эпох, бывших и не бывших в чужом окружении.

- Равно значимым является при этом изучение как констант, так и различий в культурном развитии между регионами, бывшими и не бывшими в чужом окружении.

- Особо значимыми представляются две фазы развития: процесс перехода на культурную модель Нового времени и культурное развитие после политически-административного воссоединения этнических групп (там, где оно имело место).

В заключение укажем на то, что до сих пор внимание уделялось почти исключительно письменной, христианской культуре православных славян – на наш взгляд, следует подвергнуть (сравнительному) исследованию и устную народную культуру отдельных регионов и эпох Православной Славии.

Список литературы

1. Кречмер, А. Сравнительная история славянских литературных языков: вопросы методологии / А. Кречмер // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1998. № 3. С. 48–59.
2. Кречмер, А. О књижевно-језичкој традицији до 1800. код Срба и Руса (размишљања о словенској историјској стандардизацији) / А. Кречмер // Јужнословенски филолог. 2000. LVI/1–2. С. 543–559.
3. Николаева, Т. М. Было ли так называемое «третье южнославянское влияние»? / Т. М. Николаева // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект: материалы итоговой научной конференции / отв. ред. Н. А. Андрамонова. Казань, 2003. С. 95–99.
4. Толстой, Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян / Н. И. Толстой // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52–66.
5. Толстой, Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (опыт сравнительного рассмотрения) / Н. И. Толстой // История и структура славянских литературных языков. Москва, 1988. С. 6–27.
6. Толстой, Н. И. *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации / Н. И. Толстой // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.
7. Унбегаун, Б. О. Язык русской литературы и проблемы его развития / Б. О. Унбегаун // *Revue des Études Slaves*. 1968. 47. С. 129–134.
8. Унбегаун, Б. О. Происхождение русского литературного языка / Б. О. Унбегаун // Новый журнал. 1970. Вып. 100. С. 306–319.
9. Унбегаун, Б. О. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения / Б. О. Унбегаун // Поэтика и стилистика русской литературы / А. А. Алексеев (ред.). Ленинград, 1971. С. 329–333.
10. Успенский, Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка / Б. А. Успенский // IX Международный съезд славистов: доклады. М., 1983.
11. Флоровский, Г. В. Два Завѣта / Г. В. Флоровский и др. (изд.) // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 152–176.
12. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. Париж, 1981.
13. Ferguson, Ch. On Diglossia / Ch. Ferguson // *Word*. 1959. 15. P. 325–359.
14. Issatschenko, A. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache / A. Issatschenko // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Wien, 1975. 298. Bd. 5. Abhandlung.
15. Issatschenko, A. V. Geschichte der russischen Sprache / A. V. Issatschenko. Heidelberg, 1980. Bd. 1. 1983. Bd. 2.
16. Kretschmer, A. Методологија разрађивања лингвистичких текстовних модела за пред-стандардно-језичко доба / А. Kretschmer // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1991. 20/2. С. 65–71.
17. Kretschmer, A. Zur Entstehungsgeschichte slavischer Standardsprachen (einige methodische Überlegungen) / A. Kretschmer // *Welt der Slaven*. 1993. XXXVIII/2. С. 254–264.
18. Kretschmer, A. Und noch einmal zur Diglossie / A. Kretschmer // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1994. 33. S. 181–195.
19. Kretschmer, A. Pax Slavia Orthodoxa vs. Pax Slavia Latina / A. Kretschmer // Вепторгадь многоцветный. *Specimina Philologiae Slavicae* / W. Girke, A. Guski, A. Kretschmer (Hg.). Suppl. 64. München, 1999. S. 145–152.
20. Kretschmer, A. Уочи стандардизације српског језика (језик Хроника Ђ. Бранковића) / А. Kretschmer // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 2001. 30/1. С. 11–19.
21. Kretschmer, A. Slavenoserbisch / A. Kretschmer // *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens* 10. Klagenfurt; Wien; Ljubljana; Sarajevo, 2002. S. 473–476.

22. Kretschmer, A. Vom Kirchenslavischen zu Schriftsprachen der Neuzeit (Schriftserbisch um 1700) / A. Kretschmer // Welt der Slaven. 2004. XLIX. S. 145–160.
23. Kretschmer, A. Eine sprach- und kulturhistorische Studie zur Endphase der Orthodoxen Slavia / A. Kretschmer // Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress, Ohrid, 2008 / S. Kempgen et al. (eds.). München, 2008. S. 205–216. (Die Welt der Slaven. Sammelbde, Bd. 32.)
24. Picchio, R. Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition / R. Picchio // Welt der Slaven. 1962. VII. S. 1–27.
25. Picchio, R. Litteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.) / R. Picchio. Bari, 1991.
26. Stegmüller, W. Der sogenannte Zirkel des Verstehens / W. Stegmüller // Der sogenannte Zirkel des Verstehens. Darmstadt, 1975. C. 63–88.